

ИЗ НОВЫХ ИЗДАНИЙ ПО ИСТОРИИ ПЕРИФЕРИИ ГРЕЧЕСКОГО МИРА

P. J. Riis, Sukas. I. The North-East Sanctuary and the First Settling of Greeks in Syria and Palestine, København, 1970, 179 стр., 64 илл.

В числе греческих поселений раннего железного века в Финикии известны Аль-Мина, Таббат аль-Хаммам, Телль-Сукас¹. Поселение Аль-Мина, раскопанное Леонардом Вулли, было основано во второй половине IX в. до н. э. островными греками (Кипр, а также Эвбея или Киклады). Примерно половина керамики, относящейся ко времени до 700 г., произведена в Греции, другая половина — главным образом на Кипре, но и в Финикии; керамика этого типа обнаруживает соединение греческого геометрического стиля с восточной техникой керамического производства (так называемая «керамика Аль-Мина»). Около 700 г. поселение подверглось разгрому, возможно связанному с отложением местного ассирийского правителя от Синахериба. Тем не менее, вскоре после этого поселение было возобновлено, и теперь большая часть керамики была греческой (Родос, Самос, Хиос, возможно также Милет, впоследствии Афины). Исследования в Таббат аль-Хаммам проводились Робертом Брейдвудом. Наиболее ранние находки греческой керамики относятся к IX или VIII в. до н. э., когда здесь существовало местное поселение.

Наши представления о раннегреческих поселениях на сирийском побережье немногочисленны. В последнее время они существенно расширены благодаря раскопкам на Телль-Сукасе, проводимым датской экспедицией под руководством П. Рийса.

Телль-Сукас расположен на побережье к югу от Латакии около Габлы (Габала греко-римского времени). Название Сукас соответствует топониму Шуксу, известному из текстов из Рас Шамры, и, возможно, стоит в связи с греческим названием побега смоковницы *zohis*. В позднем бронзовом веке это была пограничная местность государства Угарит и ее население контактировало с носителями эгейской культуры. Часть фрагментов микенской керамики датируется по C₁₄ временем между 1240—1040 гг. и, возможно, связано со вторжением так называемых «народов моря», когда поселение подверглось разрушению. Последующие остатки не содержат собственно греческих материалов, за исключением немногих кипрских керамических изделий XI—IX вв. до н. э. Примерно в середине IX в. поселение, как кажется, было разрушено; в конце IX или начале VIII в. были возобновлены контакты с эгейцами. Наиболее ранним свидетельством этого является фрагмент протогеометрического сосуда с орнаментом из ряда полукружий, имеющий аналогии в Аль-Мине и Таббат аль-Хаммаме. Из поздне- и субгеометрических фрагментов с Сукаса часть имеет эвбейское или кикладское проис-

¹ При составлении аннотации была широко использована небольшая, но весьма содержательная статья П. Рийса, автора аннотируемой книги, о его раскопках на Телль-Сукасе (P. J. Riis, *The First Greeks in Phoenicia and Their Settlement at Sukas, «Ugaritica», VI, P., 1969, стр. 435—450*). В 1973 и 1974 гг. вышли еще два тома публикаций материалов раскопок: G. Plog, *The Aegean, Corinthian and Eastern Greek Pottery and Terracotas. Sukas, v. 2, København, 1973*; P. Riis, H. Thraane, *Neolithic Periods. Sukas, v. 3, København, 1974* (все три тома вышли в серии *Danske videnskabernes selskab., Hist.-fil. skrifter, Bd. 5, 1; 6, 2; 7, 2*).

хождение, часть — коринфское и часть — местного греческого происхождения, типа «керамики Аль-Мина». Ориентализирующая керамика VII и раннего VI в. более многочисленна, нежели геометрическая. Большая серия восточногреческих кубков (возможно, родосских и частью самосских) относится ко времени с 700 до второй половины VI в. Наиболее популярной в арханческом Сукасе формой посуды был так называемый «ионийский» килик. Они часто встречаются на некрополе; их обычно ставили около головы погребенного. Могилы представляют собой простые продолговатые ямы в песчаном грунте, дно и стенки которых покрыты глиной. Древнейшие греческие кубки из могил имеют ближайшие параллели на Родосе и могут относиться к последней трети VII в. К сожалению, датировка более ранних могил не поддается уточнению, так как неясна датировка содержащихся в них керамических матерьялов. За восточногреческими киликами следуют афинские, хотя в целом импорт с греческого материка сильно уступает восточногреческому.

В отличие от столовой посуды кухонная относится к финикийской традиции; здесь, однако, есть некоторые особенности. Одна группа посуды, хотя и сделана из местной глины, имеет греческие формы и иногда грубо раскрашенную орнаментацию греческого характера. Наличие нескольких греческих граффити на местной керамике не оставляет никаких сомнений в присутствии греков в Финикии в это время. К сожалению, почти все керамические надписи фрагментарны, за исключением одной, относящейся ко времени около 600 г.

Поселение, существовавшее в позднем бронзовом и раннем железном веках, представляло собой обычный жилой квартал, состоящий из зданий с печами и очагами; юго-восточный жилой комплекс был сооружен на более высоком, чем остальные дома, уровне и напоминает палестинский так называемый «дом знати», или дворец. В нем было огороженное место с круглым углублением, имевшим, судя по материалу, сакральный характер. На поселении видны явные следы разрушений, одно из которых, видимо, было связано с вторжением «народов моря» около 1070 г., другое приходится на IX в. и третья — на первую треть VII в.; последние два могут быть поставлены в связь с ассирийскими вторжениями в прибрежные области — Салманасара III между 858 и 844 гг. и Асархадона в 677 или 671 гг. В общем находки раннежелезного века являются местными сиро-финикийскими, но в своей последней фазе они содержат греческий керамический импорт: ряд фрагментов коринфской, кикладской керамики и керамики типа Аль-Мина.

В VII в. поселение переживало большую строительную активность после предшествующих разрушений. К этому времени относится основание упомянутого святилища в северо-восточной части поселения. Ограждение с круглым углублением было превращено в разновидность святилища с культовой платформой; над прямоугольным очагом одного из домов был возведен небольшой храм греческого типа с большим алтарем перед его восточным фасадом. Территория святилища была ограничена стеной, имевшей один вход в западной части. Храм был очень скромным сооружением, возведенным на низкой террасе; он был сложен из дикого камня и имел только одно помещение. После разрушения в раннем VII в., возможно, во время наступления Априи в 588 г., храм был перестроен и увеличен. Как и предшествующий, он был покрыт черепицей. Употребление черепичного покрытия не свойственно восточной архитектуре, по своему происхождению это эгейский феномен. Таким образом, употребление черепичной крыши на финикийской почве, как можно предполагать, обязано греческому архитектурному или местному, находившемуся под греческим влиянием. Некоторые фрагменты черепичного покрытия второго строительного периода храма обозначены греческими буквами. В это время постройка, как кажется, приобрела вид храма в антах. Наконец, около середины VI в. поселение претерпело еще одно разрушение, возможно, связанное с подавлением восстания в Сирии вавилонским царем Набонидом в 553 или 552 г. Последующее время существования поселения, вплоть до начала V в., было периодом упадка: только небольшая часть поселения была обитаема.

В целом поселение производит впечатление финикийского города с сильным греческим элементом. Греческое поселение не было настоящей колонией, оно имело харак-

тер эройкизма греческой общины, сосуществовавшей в городе, принадлежавшем местному населению, с сиро-финикийской средой. По всей видимости, возникновение греческой общины здесь обязано связям с Кипром и может быть результатом финикийской колонизации этого острова. Из трех древнегреческих эмпориев — в Аль-Мине, Сукасе и Таббат аль-Хаммаме — караванные дороги вели прямо к трем важным материковым центрам, расположенным на месте нынешних городов Алеппо, Хама и Хомс. Средней дорогой из Сукаса веда к городу, расположенному на месте совр. Хамы.

Аннотируемая книга представляет собой одновременно археологический отчет о раскопках, проведенных на Сукасе в 1958—1963 гг., и историческое исследование первых греческих поселений в Финикии. Книга состоит из семи глав. В первой (вспомогательной) главе (стр. 7—20) рассматривается история изучения греческих материалов на сирийского побережья, локализуемых в районе Сукаса. Значительную роль в этом сыграли раскопки копенгагенского Фонда Карлсберга, который последовательно занимался изучением проблемы греко-восточных контактов с раскопок на Родосе в 1901—1914 гг., а затем в 1931—1938 гг. и в Сирии. (Отметим при этом, что активную роль в раскопках Хамы в центральной Сирии играл автор аннотируемой книги, издавший ряд работ по материалам раскопок.) В 1958 г. под руководством П. Рийса Фонд Карлсберга предпринял раскопки на Телль-Сукасе с целью связать результаты предшествующих раскопок на Родосе и в Хаме посредством исследования этого прибрежного центра, который мог служить посредником в контактах эллинистической и финикийской культур. Основные цели работ заключались в более точном определении хронологии железного века Финикии (1200—500 гг. до н. э.), выяснении форм и характера контактов между Грецией и Ближним Востоком в этот период, а также проверке соответствующей греческой хронологии.

Исследованное датской экспедицией поселение выгодно расположено на холме у широкого мыса, образовавшего две удобные гавани с севера и юга. Окрестные земли и поныне отличаются высокой плодородностью. Первые исследования здесь были предприняты в 1934 г., когда Эмиль Форрер провел зондаж холма, показавший, что поселение имеет длительную историю и находилось в контакте с греческой культурой. Исследования датской экспедиции показали, что на Телль-Сукасе представлены следующие основные периоды: А Позднесредневековый. В Период крестовощев. С Византийский. D Римский. E Эллинистический. F Новофиникийский. G Период преобладания греков. H Раннежелезный век, включая греческое заселение. J Позднебронзовый. K Среднебронзовый. L Раннебронзовый. M Халколитический. N Неолитический. (Материалы первых четырех периодов в аннотируемой книге не рассматриваются.) Для удобства читателя приводим абсолютную хронологию исследуемых в книге периодов существования поселения, содержащуюся в главе VII, стр. 127:

H ²	Финикийский раннежелезный век I	ок. 1170 — ок. 850
H ¹	Финикийский раннежелезный век II (= период греческого заселения)	ок. 850 — ок. 675
G ³	Период греческого преобладания	фаза I ок. 675 — ок. 588 фаза II ок. 588 — ок. 552 фаза III ок. 552 — ок. 498
G ²		
G ¹		
	Пробел	
F	Новофиникийский (= позднеклассическо-раннеэллинистический период)	ок. 380 — ок. 140
E ²	Позднеэллинистический I	ок. 140 — ок. 117
E ¹	Позднеэллинистический II	ок. 117 — ок. 69
	Пробел	
D	Позднеримский период	III—IV вв. н. э.

Во второй главе (стр. 20—40) рассматриваются археологические материалы, относящиеся к бронзовому и раннежелезному векам. Было вскрыто четыре комплекса со-

оружий, сильно фрагментированных, представляющих собой остатки хозяйственных и жилых помещений с очагами, печами и хозяйственными ямами. Первая фаза железного века Финикии относится ко времени около 1170—850 гг., вторая, соответствующая периоду греческого поселения в Сукасе,— 850 — 675 гг. до н. э. Характер материальной культуры целиком сиро-финикийский. В числе импортных находок, однако, имеются керамика и женская статуэтка микенского времени, соответствующие поздне-бронзовому поселению на Сукасе. Среди импорта 1 и 2 периодов финикийского ранне-железного века представлены фрагменты кипро-геометрического стиля (950—600 гг.). В числе ранних греческих вещей на поселении в целом были найдены край протокоринфского сосуда (около 740—690 гг. до н. э.), дно протокоринфского круглого сосуда последней трети VIII в., к сожалению, найденного вне синхронного археологического контекста, в средневековом слое. Вне своего археологического контекста был найден и фрагмент позднегеометрического кубка типа Аль-Мина. При раскопках северо-западной части холма найдены два фрагмента так называемых протогеометрических кикладских или эвбейских килликов, видимо, относящихся к VIII в. до н. э., а в южной части — край протокоринфского скифоса около 700 г. до н. э. Таким образом, возобновление контактов с Грецией после перерыва, вызванного крушением микенской цивилизации, приходится на вторую половину VIII в.

Третья глава (стр. 40—59) посвящена I фазе периода греческого пресобладания на поселении (G³). Исследование предшествующих периодов K — II показало постепенное и последовательное развитие архитектуры небольшой части поселения без существенных изменений, несмотря на ряд катастроф, из которых наиболее значительная приходится на время около 1170 г. до н. э. С другой стороны, на большей части исследованной площади имеются многочисленные свидетельства полного разрыва традиции между ранними остатками и периодом G. К частям поселения, продолжающим предшествующие традиции, относятся строительные комплексы I и IV, подробно описанные в главе II. В период G³ южные и западные стены комплекса I по-прежнему используются, как и круглая яма комплекса IV, который слегка передвинулся к северу. Он приобрел вид изолированной прямоугольной террасы небольших размеров. Характер заполнения ямы показал, что она имеет отношение к культовым жертвоприношениям, т. е. платформа с ямой функционировала в качестве сакральной бемы (возвышения, High Place), употребительной в практике древнесемитических религий.

В числе строительных остатков этого периода было раскрыто также прямоугольное здание, возведенное на террасе. Это здание, сопровождавшееся многочисленными греческими вещами, представляло собой простейший храм, построенный поселившимися здесь эллинами, и является, таким образом, одним из древнейших примеров огороженного греческого теменоса. Верхний слой террасы перед входной стеной храма содержал костные остатки быка и овцы (только головы и оконечностей), собаки, птицы (ворона?), раковины, панциря черепахи.

Помимо фрагментов греческих сосудов к числу предметов, отражающих влияние греческой культуры, относятся также обломки черепичной кровли. Эти фрагменты, как можно полагать, представляют собой провинциальную модификацию черепицы коринфского типа, бытующей со второй половины VII в. до н. э. На сирийской почве только греческому архитектору или эллинизированному туземному строителю могла быть присуща идея использования черепичной кровли, поскольку этот феномен не был свойствен восточной строительной практике того времени.

Сооружение греческого святилища может быть отнесено к VII в. до н. э., его габель — к первой трети VI в. до н. э. К числу других строительных остатков рассматриваемого периода относятся также алтарь, туземное святилище и несколько стен. Наличие греческого святилища предполагает присутствие эллинской общины на поселении. Греческий импорт представлен главным образом восточноионийской керамикой, по которой начало первой фазы датируется временем с 675 г. до н. э. Конец этой фазы и разрушение святилища, судя по стратиграфическим данным, относится к первой трети VI в. до н. э. и может быть связан с походом Априи 588 г. до н. э.

Материалам второй греческой строительной фазы G², приходящейся на первую по-

ловину VI в. до н. э., посвящена глава IV. После разрушений в первой трети VI в. греческое святилище, и в первую очередь храм, было перестроено. Алтарь, помещавшийся к востоку от храма, возможно, уцелел или нуждался в небольшой починке. Древнее же финикийское культовое место, расположенное в южной части святилища, было совершенно преобразовано. В западной части теменоса были возведены новые ворота и стена. Достройка эта происходила, судя по уровням вымостки, в два этапа. Один из уровней содержит материал, хронологически не многим более поздний по отношению ко времени разрушения. В целом же материал обоих вымосток не выходит за рамки VI в. до н. э. или, лучше сказать, его первой половины.

Храм не был просто перестроен на старом фундаменте. Предшествующее сооружение было слишком маленьким, и на новой фазе храм был расширен. Старые южная и западная стены использовались по-прежнему, а северная и восточная возведены заново. Старая же восточная стена функционировала отныне в качестве внутренней перегородки. Еще одна стена подобного рода была возведена к западу, и новый храм, таким образом, отныне состоял из трех помещений. Найденные блоки колонн могут указывать, что это был, по-видимому, храм в антах, причем, как полагает П. Рийс, ссылаясь на храм Аполлона Дельфиния в Ольвии, верхние части этих колонн могли быть деревянными. Храм был возведен на фундаменте из дикого камня и имел стилобат. Цокольная часть его была сложена из тесаного камня, стены же в верхних своих частях, видимо, покрыты стуком. Храм имел две дорийские колонны в антах, покрытые стуком, каменные внизу и деревянные сверху. Деревянный же антаблемент был покрыт стуком или раскрашен. Храм имел глубокий пронаос с одной колонной посередине первой внутренней перегородки и круглым алтарем для возлияний в правом внутреннем углу. Целла была почти квадратной, с широким прямоугольным основанием для деревянной, видимо, статуи. Покрытие храма состояло из черепицы коринфского стиля; на двух черепицах встречены греческие граффити (см. ниже). С храмом был связан большой алтарь, располагавшийся к востоку.

Старое финикийское культовое место также приобрело новый вид в этот период перестройки. Была возведена новая система стен террасы. Платформа состояла из 2—3 слоев камня и земли; круглая яма, функционировавшая в предшествующее время, была засыпана.

К сожалению, нет никаких определенных свидетельств о том, культ каких божеств отправлялся на греческом теменосе и финикийском святилище. Без сомнения, фрагменты греческой керамики и других изделий, найденные на теменосе, являются остатками votивных приношений. На алтаре производились культовые возлияния и жертвоприношения животных. Возможно, посвящение Гелиосу указывает на культ Солнца, но для Греции этот культ необичен, за исключением Родоса. И хотя на основании большого родосского импорта можно предполагать сильное влияние этого острова на ранний Сукас, все же было бы удивительно, если бы храм первоначально был основан как святилище Гелиоса. Известно, однако, что Гелиос, по крайней мере с V в. до н. э. и позднее, идентифицировался с Аполлоном и есть, таким образом, возможность полагать, что с самого основания греческого поселения в Сукасе поклонялись именно этому божеству, патрону греческой колонизации, под каким-либо эпитетом вроде *Κτίστης*, *Πατρίος*, *Ἀρχηγέτης*, или *Οἰκιστῆς*. Далее, из кипрских надписей стало известно, что имя Аполлона в греческих текстах иногда придавалось финикийскому божеству Рашаф (*Ršp*). Между тем в числе находок имеется форма для отливки бронзовых votивных фигурок, тип которых хорошо представлен в храме Рашафа в Библосе. К тому же костяные находки как с греческого, так и финикийского святилищ включают остатки жертвоприношений оленя, который ассоциировался с Рашафом.

Вторая греческая строительная фаза святилища, начавшись, видимо, после 588 г., завершилась к середине VI в. до н. э., поскольку находки над вторым уровнем вымостки на святилище относятся уже ко второй четверти того же столетия. На это же время указывает характер и других вскрытых материалов. Возможно, завершение периода G² связано с сирийской компанией Набоида в 553—552 гг. до н. э.

В V главе рассматривается третья греческая строительная фаза — G¹, приходя-

щаяся на вторую половину VI в. до н. э. (стр. 88—91). После разгрома в середине VI в. раскопанный район поселения обживался в очень небольшой степени. На святилище заметны некоторые следы небольших достроек, но определить строительную характеристику данного периода нет никакой возможности вследствие большой строительной активности последующего периода, в значительной степени уничтожившей остатки периода G¹. Все же можно отметить, что финикийское святилище еще продолжало существовать, хотя и с некоторыми изменениями в своей архитектуре. Короткий и мало-выразительный в строительном отношении период G¹ закончился где-то на рубеже VI — V вв. до н. э. Это были последние десятилетия существования греческой общины на Сукасе, конец которой связан, видимо, с событиями 498 г., когда греки потерпели поражение в борьбе с персами. Финикия вместе с Кипром и Палестиной входила в пятую персидскую сатрапию, и эти страны поддерживали персов в борьбе с греками, принявшими участие в ионийском восстании. Ионийский флот нанес поражение финикийскому у Саламина на Кипре, неподалеку от Сукаса, и греческая община в Сукасе вряд ли оставалась в стороне от разгоревшейся борьбы эллинов с персами. Антигреческая реакция персов, последовавшая за поражением ионийского восстания, видимо, и привела к ликвидации греческой общины на Сукасе.

Следующая, VI глава посвящена новофиникийской и позднеэллинистической строительным фазам (стр. 92—126), приходящимся на время около 380—69 гг. до н. э. Картина строительной деятельности нового периода, наступившего после длительного перерыва, в течение которого поселение оставалось в руинах и было заброшено, носит совершенно иной характер, нежели это было в предшествующее время. [Планировка поселения, архитектурные типы и строительная техника целиком изменяются. На раскопанной площади вскрыт ряд хозяйственных объектов, показывающих изменившийся до некоторой степени характер данного участка поселения. Вместе с тем раскрыт архитектурный комплекс сакрального характера, близкий кипрским святилищам с напском и входным сооружением, которые располагаются на противоположных концах двора. В заполнении бассейна во дворе найдена бронзовая фигурка слена. Однако никаких других, кроме импорта, греческих черт на новом поселении в период его восстановления нет. Это был финикийский поселок, застройка которого и в архитектурном и в строительном отношении носит местные черты. Отсутствие греков на возобновившемся поселении соответствует политической ситуации, имевшей место в данном районе, оставшемся по греко-персидским договорам сферой персидского влияния. Интересен эпизод с деятельностью кипрского царя Эвагора. Грекофильски настроенный, он оказывал поддержку своим соплеменникам в борьбе с Персией. В целях укрепления своей безопасности этот саламинский царь произвел нападение на побережье материка и захватил Тир и ряд других финикийских поселений. Затем он был вынужден уступить персам и заключить мир. Этот эпизод политической истории Восточного Средиземноморья, имевший место в первой четверти IV в. до н. э., показал персам необходимость иметь на побережье морскую базу для ведения военных действий. Не исключено, что именно ввиду этого обстоятельства поселение на Сукасе было возобновлено. Характер найденных материалов показывает, что возобновление поселка относится ко времени около 380 г. до н. э.]

Строительные остатки следующего за новофиникийским позднеэллинистического периода более многочисленны. Это обстоятельство объясняется тем, что поселение новофиникийского времени подверглось землетрясению 140 г. до н. э. Начавшаяся с этого времени новая, позднеэллинистическая фаза существования поселения характеризуется большой строительной активностью, прерванной снова землетрясением 117 г. до н. э. Этот период существования города завершился третьим грандиозным землетрясением 69 г. до н. э., после которого поселение было возобновлено снова уже лишь в III в. н. э.!

В VII главе (стр. 126—175) рассматривается значение полученных материалов в историческом аспекте; особенно подробно исследуется проблема проникновения греков в Финикию. Основные выводы исторического характера, к которым пришел автор, были изложены выше, в начальной части аннотации.

Книга снабжена большим количеством иллюстраций, дающих представление о наиболее существенных находках. Прекрасно исполненные планы, приложенные на отдельных шести листах, дают подробную картину вскрытых строительных остатков.

В заключение перечислим эпиграфические находки с Тель-Сукаса, в число которых входят следующие граффиты:

1. ΔΑ (рис. 25d, стр. 60), на фрагменте стенки родосского сосуда первой половины VI в. до н. э.
2. ΙΑΥ (рис. 28а, стр. 68), на фрагменте черепицы, ретроградно, ранний VI в. до н. э.
3. Κ (рис. 28b, стр. 69), на фрагменте черепицы, ранний VI в. до н. э.
4. χαλιῶ ἡμίϊ (рис. 26е, стр. 78), на стенке местного сосуда, первая половина VI в. до н. э. (= аттлч. Χαλίου ἡμίϊ).
5. Μοσιμῶ (рис. 27с, стр. 61), на фрагменте ионийского кубка середины VI в. до н. э. Личное имя владельца, видимо, Μοσιμῶς, с элидированным ро. Интересно, что обычно такое явление происходит в сочетании ρστ, а не ρς.
6. Πεσαφορεῖς ἡμί (рис. 53d, стр. 158), на пряслице, сделанном из местной глины, тип которого бытовал в Греции в VIII—VI вв. до н. э. По особенностям письма граффито относится ко времени около 600 г. до н. э.

* * *

N. G. L. HAMMOND, A History of Macedonia. Vol. I. Historical Geography and Prehistory, Oxford, 1972, 493 стр., 20 рис., 23 карты.

Первый выпуск трехтомного труда о древней Македонии посвящен ее исторической географии и доистории. Автор первого тома Н. Ж. Л. Хэммонд начал свои исследования в Македонии в 1929 г., совершая с тех пор неоднократные поездки по этой стране, так что данная монография является результатом сорокалетнего, с некоторыми перерывами, труда. Одновременно Хэммонд вел работу над древностями Эпира¹. Таким образом, обе монографии автора дают комплексное представление о северных окраинах Греции, исследование которых представляет твердую опору для понимания этнических процессов, происходивших на юге Балканского полуострова, и в первую очередь именно это может дать ответ на вопрос Дж. Майрса «Кто были греки?».

Книга состоит из двух частей — «Историческая география Македонии» и «Доистория Македонии». В первой части автор рассматривает физико-географическое положение Македонии (стр. 3—18) — границы Македонии, структуру страны, ее природные ресурсы, население и этническое окружение. Последующие четыре главы содержат историко-географическое описание различных областей Македонии — северозападной, западной и южной, центральной (стр. 19—204). Заключительная VI глава подводит итог историко-географического исследования македонских областей (стр. 205—211). Сердце Македонии составляет центральная равнина, простирающаяся к западу и востоку от реки Аксий, известной уже Гомеру. Эта равнина чрезвычайно плодородна и в то же время содержит огромные пространства, пригодные для пастбищ. Ее сельскохозяйственной продукцией снабжалось население внутренних горных частей страны. Северная Македония состояла из нескольких больших районов, обильных водой, пастбищами и лесом, разделенных между собой горными хребтами и экономически связанных с центральной равниной. Наличие естественных укреплений в Центральной Македонии и в большей части Македонского государства сыграло крупную роль в независимом существовании его населения. Вместе с тем сеть удобных проходов Македония была связана с Грецией, с Ионийским морем (через Иллирию) и на севере — с Дунаем.

¹ N. G. L. Hammond, Epirus. Oxf., 1967.

Вторая часть монографии, посвященная доистории Македонии, содержит описание материальной культуры неолитического, бронзового и раннежелезного веков. Особое внимание автор уделяет взаимосвязям материальной культуры Македонии, Греции и Эпира и вытекающим отсюда этнологическим проблемам. Так, особая глава уделена материальной культуре Македонии, синхронной раннему эллиадскому периоду истории Греции, когда в Македонию и Эпир пришли носители курганных захоронений (стр. 234—250). Следующая глава посвящена среднебронзовому веку Македонии, материальная культура которого содержит параллели курганным захоронениям Греции (стр. 250—268). Отдельная глава уделена этнологии грекоязычных народов в раннем и среднем бронзовом веке. Автор придерживается традиционной точки зрения о том, что носители курганных захоронений принадлежат к индоевропейской языковой семье. Он делает интересные сопоставления древнейшей греческой традиции о происхождении эллинов (Гесиод, фрагмент 9) с археологическими данными. По его мнению, четыре греческих диалекта — дорийский, ионийский, эолийский и северо-западный — развивались в промежутке между 2600—1900 гг. до н. э. не только среди носителей курганов, но также среди народов, которым пришлось принять греческий язык. Таким образом, можно предполагать отдельные районы развития диалектов внутри общей территории, находившейся под контролем носителей курганных захоронений, простирающейся от долины Галиакмона до Эпира и затем Левкады (стр. 269—276).

Далее описывается культура позднебронзового и раннежелезного веков, особый акцент делается на хронологических рамках раннежелезного века и этническом окружении Македонии в это время (стр. 277—404).

Последние две главы посвящены историческим проблемам раннего железного века (стр. 405—441). Автор устанавливает хронологические границы иллирийской экспансии, которая имела место около 800—650 гг. К востоку от Адриатического побережья обитали племена собственно иллирийцев, тавлантии, партины, энхелеи, дарданы и меды. Их продвижение с севера вызвало переход фригийских бригов во внутренние гористые районы, а территории последних заняли дарданы. Размах иллирийской экспансии был велик. Они заселили различные части Италии и контролировали западнобалканское побережье Адриатического моря.

Далее рассматриваются взаимоотношения Македонии с греческими городами, в частности, вопрос об основании греческой колонии в Мефоне около 730 г., Дикеи, а также зретрийской колонии, Менды и др. Особый раздел посвящен киммерийскому вторжению около 700—650 гг. в Малую Азию, Фракию и его последствиям. Во Фракии они объединились с трерами и эдонами, и все три народа приняли участие во вторжении в Малую Азию и основании там поселений. Археологические следы присутствия киммерийцев имеются и в Македонии, пройдя которую они вторглись в Центральный Эпир. Этот факт имел для Македонии далеко идущие последствия. Господство иллирийцев было ликвидировано, так что очень немногие следы иллирийской оккупации дошли до классического времени. Открывшимися возможностями воспользовались три новых народа — фракийцы, пеоны и македоняне. Особо автор останавливается на македонской экспансии, имевшей место около 650—550 гг. до н. э., и взаимоотношениях македонян с греками в это время (стр. 430—441).

В. П. Яйленко